

Политическая история петербургского Физтеха

В.В.Косарев

Физико-технический Институт ФТИ РАН, Санкт-Петербург

В 1998г. через после 80-ой годовщины Октябрьской Революции отметит свое 80-летие и один из самых известных в стране и мире научных центров - alma mater советской науки Санкт-Петербургский Физико-технический Институт (ФТИ РАН). Некоторые эпизоды его истории, а также судьбы многих его сотрудников, пострадавших от политических репрессий, до сих пор еще недостаточно хорошо изучены. Сбор материалов о всех пробелах в истории Института начался в 1989г. по решению ГПП (группы поддержки перестройки), возникшей тогда в ФТИ. В работе были использованы архивы ФТИ и других институтов, частично архивы НКВД и КГБ, рассказы очевидцев событий, их родственников и знакомых, а также опубликованные в разных местах многочисленные материалы. В некоторых случаях приходилось довольствоваться историями, имеющими характер легенд, передаваемых от одного поколения физтеховцев к другому, но в процессе работы многие такие легенды проверялись и уточнялись. В исследовании периода сталинских репрессий в ФТИ большое участие принял В.Я.Френкель. Им были изучены не только архивы Физтеха, но также и партийные архивы и архивы КГБ. Большинство из материалов, собранных к 1993г., было представлено под его редакцией в сборнике "Чтения памяти А.Ф.Иоффе" (Наука, 1993). Туда не вошли, однако, материалы, относящиеся к эпохе Хрущева. После его доклада на XX съезде КПСС о преступлениях сталинского режима многим казалось, что с "необоснованными политическими репрессиями" покончено навсегда, но вскоре выяснилось, что сохранились еще те репрессии, которые власти могли считать "обоснованными". Для этого периода показательны судебные процессы двух молодых физтеховцев - Алексея Петровича Рудакова и Юрия Борисовича Меклера. Первый пострадал за выступление на открытом собрании комсомольского актива физико-механического факультета ЛПИ, а второй - "за чтение и распространение романа Б.Пастернака "Доктор Живаго".

Несмотря на репрессии интерес к так называемым "самиздату" и "тамиздату" в среде интеллигенции непрерывно нарастал. Привозимые из-за границы книги переснимались на фотопленку и перепечатывались. Возникло движение диссидентов как в Москве (Виктор Красин, Павел Литвинов) и Ленинграде (Юрий Гендлер, Лев Квачевский). В круг людей, собиравшихся в ленинградском кружке Гендлера, входили также и научные сотрудники ФТИ лаборатории Ю.А.Дунаева: А.Н.Семенов и А.М.Студенков. У Семенова была значительная библиотека запрещенной литературы. Здесь были сочинения Джилоса (Новый класс), А.Авторханова (Технология власти), А.Солженицына (Раковый корпус), различные книги об убийстве царской семьи, а также книги американского сенатора Барри Голдуотера и других авторов. В конце августа 1968 г., когда ввод войск стран Варшавского договора в Чехословакию прервал Пражскую весну, кружок Гендлера в Ленинграде собрался для написания письма протеста. Поскольку в кружке были и осведомители КГБ об этом стало быстро известно "компетентным органам", которые незамедлили прибыть и арестовать всех участников. У Студенкова изъяли запрещенную литературу. Вначале он проходил по делу как свидетель, имея возможность уничтожить оставшийся в его доме неизъятый "Мосты", но затем, когда кто-то из подследственных упомянул о "Мостах", у Студенкова стали требовать эту книгу. В конце концов ему объявили, что вынуждены его арестовать. На допросах Гендлер долго отказывался от дачи показаний, но Студенков, не имевший достаточного опыта в этом деле, довольно легко поддавался на уговоры и посулы следствия, обещавшего ему лишь условный срок. Следствию нужен был материал, и его попросили показать те места в лаборатории, где он прятал копируемую литературу. Обыск в ФТИ проводила следственная группа УКГБ во главе с начальником отдела с говорящей фамилией Сыщи-

ков. Было изъято два листа фотобумаги, а второго сентября последовал приказ директора ФТИ, предлагавший всем подразделениям института направить для экспертизы по 5 листов фотобумаги, имеющейся в лабораториях. Гендлеру, согласившемуся в конце на дачу показаний, на суде, дали три года, строптивому Льву Квачевскому - четыре, а Студенкову, учитывая "научное значение его работ" дали год лишения свободы, который он к тому времени уже повел в следственном изоляторе КГБ.

Собранные на сегодняшний день материалы, безусловно, нуждаются в дальнейшем пополнении и уточнении. Работа в этом направлении продолжается, как в отношении периода сталинских репрессий, так и последующих периодов нашей истории, включая и самую новейшую, поскольку к политической истории науки можно отнести не только историю политических репрессий, но и весь процесс становления гражданского общества в России и российской науке в частности.